

Елена К.
Нормально.

Елена К.
Нормально.

«Автор»

2026

К. Е.

Нормально. / Е. К. — «Автор», 2026

«Книга семейных рецептов — это не про идеальные блюда, а про тепло, которое рождается на кухне, когда все вместе. В ней нет строгих граммов и точных температур — зато есть сахар для улыбки, кусочек для Пушкина и пять минут строгости. Это история о семье, где любят не за безупречность, а за старание: где бутерброд с мандарином — не ошибка, а способ сказать я тебя люблю. От детских экспериментов до взрослых вечеров, от пирога тёти Вали до новых страниц, которые пишут уже внуки, — книга бережно передаёт главное: счастье живёт в мелочах, в запахе корицы, в муке на ресницах, в праве ошибаться и пробовать снова. Это трогательная сага о том, как простые семейные ритуалы становятся опорой на всю жизнь и передаются из поколения в поколение — с той самой щепоткой улыбки. Для всех, кто верит: дом там, где пахнет яблочным пирогом и где всегда оставят кусочек для того, кто рядом».

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Все Главы.	5
Глава 1. Марина.	6
Глава вторая. Открытка с морем	8
Глава четвёртая. Как Пушкин всё устроил	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена К. Нормально.

Все Главы.

Глава 1. Марина.

Марина проснулась от того, что солнце било прямо в глаз. Не мягко, не ласково — нагло, как чужой человек, который без спроса сел на край кровати. Она прикрыла веки, но свет всё равно просвечивал красным. «Опять забыла шторы задернуть», — подумала она и тут же вспомнила: вчера она их специально не задернула. Хотела проснуться рано. Хотела успеть до того, как начнётся день.

День, впрочем, уже начался. За стеной гремел соседский пылесос — ритмично, настойчиво, будто кто-то там, за тонкой перегородкой, пытался вычистить не только пыль, а всю свою жизнь. В коридоре звякнули ключи — муж собирался на работу. Марина села, спустила ноги на пол. Пол был холодным, и это было даже хорошо: холод как будто ставил всё на свои места, возвращал ощущение, что ты не во сне, не в кино, а здесь, в этой квартире, с этим утром, с этими звуками.

— Ты не видела мой синий свитер? — крикнул муж из коридора.

— В шкафу, сверху! — крикнула она в ответ и поморщилась: голос звучал хрипло, будто она всю ночь спорила с кем-то невидимым. Или просто слишком долго молчала, а теперь слова выходили с усилием, как старые двери, которые давно не открывали.

Он заглянул в комнату, свитер уже висел на плече. На нём была та самая рубашка, которую она подарила ему на годовщину — не новая, но любимая, с чуть потёртыми манжетами. Марина вдруг заметила эту потёртость и отчего-то почувствовала укол нежности — такой внезапный, что даже дыхание сбилось на секунду.

— Точно. Спасибо. «Ты как?» — спросил он, будто между делом, уже наполовину в дверях, наполовину в своём дне, который ждал его за порогом.

— Нормально, — ответила она, потому что «нормально» — это самое безопасное слово. Его не надо объяснять, оно не требует продолжения.

Он кивнул, будто этого было достаточно. Ещё минута — и дверь хлопнет, и квартира станет тише, но не спокойнее. Тишина после ухода мужа всегда была какой-то виноватой, будто они оба знали, что надо бы поговорить, да всё не находилось времени. Или смелости. Или подходящего повода, который не звучал бы как упрёк.

Марина встала, пошла на кухню. Чайник ещё был тёплым — значит, муж наливал себе чай. Значит, он стоял тут, смотрел в окно, может быть, думал о чём-то своём. А может, вообще ни о чём. Просто стоял и ждал, пока вода закипит. Она представила его в этой позе — слегка ссутулившегося, с напряжённой линией плеч, будто весь день уже лежал на них тяжёлым пальто, хотя часы ещё не успели пробить девять.

Она налила себе кофе. На столе лежала записка: «Не забудь про собрание в школе. Три часа». Марина вздохнула. Собрание. Опять будут говорить про дисциплину, про «единый подход», про то, что родители должны быть на одной волне с учителями. Как будто быть на одной волне — это самое простое дело на свете. Как будто достаточно просто захотеть — и всё совпадёт: твои мысли, их требования, расписание, настроение ребёнка, твои собственные силы, которых к середине недели почти не остаётся.

За окном шумел город. Машины, голоса, какой-то смех снизу, из двора. Всё шло своим чередом, и только внутри у Марины будто что-то застряло. Как пуговица, которая никак не хочет попасть в петлю. Ты тянешь, тянешь, стараешься аккуратно, а она всё равно соскальзывает. И в какой-то момент хочется просто дернуть посильнее, чтобы уже либо застегнулась, либо оторвалась — но так, чтобы конец был понятен.

Она села у окна, обхватила чашку ладонями. Кофе был горячим, и от этого становилось чуть легче. Не решало ничего, просто грело руки. И в этот момент ей вдруг захотелось позвонить сестре. Просто услышать её голос, её обычное: «Ну, что там у тебя?» — и рассказать всё

подряд: про шторы, про свитер, про собрание, про эту застрявшую пуговицу. Про то, как утром муж стоял у окна и казался таким далёким, будто между ними уже выросла невидимая стена из дел, обязанностей и невысказанных слов.

Телефон лежал рядом. Экран был тёмным, и в нём отражалось её собственное лицо — чуть усталое, с тенью под глазами, которую не спрячешь ни тональным кремом, ни бодрым «всё нормально». Марина потянулась к нему, замерла на секунду — и вдруг поняла: она не знает, с чего начать. Ведь если начать с пустяков, сестра подумает, что всё в порядке. А если сразу с главного — а где оно, это главное? — то получится, будто она жалуется. А жаловаться не хотелось. Хотелось просто, чтобы кто-то сказал: «Я тебя слышу. И это правда непросто».

И тогда она написала просто: «Привет. У меня тут утро такое... странное. Ты свободна?»

И стала ждать. Секунды тянулись, как резиновые. Марина смотрела на три точки, которые появились на экране — сестра печатала ответ. И в эти секунды весь мир будто сжался до размера экрана. Пылесос за стеной стих, город за окном стал тише, даже чашка в руках перестала обжигать пальцы — потому что сейчас было важно только одно: что ответит сестра.

«Сейчас не могу, совещание. Но через час давай созвонимся?» — пришло сообщение.

Марина выдохнула. Не отказ. Не «потом, когда-нибудь». А «через час». Этого было достаточно, чтобы день перестал казаться пустым коридором, по которому ты идёшь наугад.

Она отложила телефон, допила остывший кофе. На кухне было тихо — настолько тихо, что слышно было, как тикают часы над раковиной. Тик-так. Тик-так. Как будто кто-то отсчитывал минуты до того момента, когда можно будет наконец-то выговориться.

В голове уже складывались фразы — не для сестры, а просто так, чтобы разложить по полочкам то, что крутится внутри. «Знаешь, мне кажется, мы с ним перестали замечать друг друга. Не ссоримся, не кричим, просто... проходим мимо. Как два человека в одном вагоне, которые смотрят в разные окна». Или: «Иногда мне кажется, что я живу в режиме автопилота. Встаю, кормлю, убираю, улыбаюсь, где надо, и только вечером, когда все уснут, понимаю, что целый день вообще не была собой».

Но пока эти фразы оставались внутри. Пусть подождут ещё час.

На подоконнике лежала старая открытка — с видом моря, которую Марина привезла из поездки, случившейся будто в другой жизни. Она провела пальцем по шершавому краю бумаги. Море на картинке было ярко-синим, почти неправдоподобным, как в детских рисунках. Тогда она думала, что после такого отпуска всё станет легче, будто солёная вода смывает усталость, а ветер выдует из головы лишние мысли. Но усталость никуда не делась — она просто спряталась на время, а потом вернулась, тихая и упрямая, как кошка, которая знает, что её всё равно пустят в дом.

Марина улыбнулась этой мысли — и улыбка получилась не грустной, а скорее усталой, с примесью иронии. Ну вот, уже философствует на пустом месте. Пора собираться. Сын вернётся из школы, надо будет что-то приготовить, проверить уроки, успеть на собрание... Список дел привычно встал перед глазами, длинный, как очередь в кассу. Но сегодня он не пугал. Сегодня в нём была одна светлая точка — звонок сестре через час. Этого было достаточно, чтобы не чувствовать себя совсем одинокой.

Глава вторая. Открытка с морем

Звонок от сестры пришёл не через час, а через полтора. Марина уже начала нервничать — не сильно, не по-настоящему, а так, как нервничаешь, когда ждёшь чего-то маленького, но важного. Как автобуса на остановке: вроде никуда не опаздываешь, но всё равно поглядываешь на часы и думаешь: «Ну, где же ты?»

Когда телефон наконец зазвонил, Марина стояла у плиты и помешивала суп. Она выключила конфорку, вытерла руки полотенцем и только потом взяла трубку.

— Ну, что там у тебя? — спросила сестра, и Марина улыбнулась, потому что именно так она и представляла. Точь-в-точь.

— Да ничего особенного, — начала Марина и замолчала. Потому что это была неправда. Было что-то особенное, только она не знала, как это назвать. Как ты не знаешь, как назвать цвет, который видишь впервые: он есть, он перед глазами, а слова нет.

— Марин, ты что, молчишь?

— Нет, я думаю. С чего начать.

— С начала, — посоветовала сестра, и в голосе её был тот спокойный, деловой тон, который всегда помогал. Сестра старше на четыре года. Женщина практичная, с прямым пробормом и прямым характером. Замужем второй раз, детей нет, зато есть кот по имени Пушкин и дача с теплицей, где она выращивает помидоры размером с детский кулачок. Марина иногда завидовала этой ясности: сестра всегда знала, что делать. Она просто не любила долго думать. Решила — и пошла. У Марины всё было наоборот: она думала так долго, что решение иногда устаревало, пока она к нему приходила.

— Мне кажется, я что-то теряю, — сказала Марина. — Не вещь какую-то, не деньги. Я не знаю, как объяснить. Будто я стою на остановке, жду автобус, а он проезжает мимо. И я думаю: ну ладно, следующий. А следующий тоже мимо. И следующий. И в какой-то момент я понимаю, что не помню, на какой автобус я вообще ждала.

На том конце было тихо. Сестра не перебивала, не бросалась утешать. Она просто слушала. И это было именно то, что Марине было нужно — не советы, не «ты просто устала», не «сходи к врачу», а тишина, в которой тебя слышат.

— А Серёжа? — наконец спросила сестра.

— Серёжа нормальный. Он... он есть. Со свитером своим ходит. Пьёт чай по утрам. Спрашивает «ты как?», я говорю «нормально», и всё. Мы как два человека в лифте, которые едут на один этаж, но смотрят в разные стены.

— Это ты мне уже как-то говорила.

— Да? Ну, значит, это правдиво, если я повторяю.

Сестра вздохнула. Не осуждающе, а как-то по-своему — по-свойски, будто она и сама знала это чувство, просто не собиралась о нём говорить, потому что у неё был другой способ справляться: она копала грядки, и помидоры вырастали, и этого было достаточно.

— Ты помнишь море? — вдруг спросила Марина.

— Какое море?

— То самое. Когда мы ездили втроём — я, ты и мама. Мне было лет десять, тебе четырнадцать. Мы остановились в частном доме, у какой-то тёти Вали. И помидоры у неё были огромные, из парника, она их солью посыпала и давала нам с хлебом. Ты ела и говорила: «Это лучшее, что я пробовала в жизни». А мама засмеялась и сказала: «Подожди, жизнь длинная».

— Помню, — сказала сестра, и голос её чуть смягчился. — Тётя Валя ещё пахла укропом. Всегда. Даже когда не на кухне. Всё от неё укропом пах.

— Да. И море было рядом, за домами, нужно было пройти через переулок, мимо собак, которые лаяли, но не кусали. Я помню, как мы вышли на берег, и мама вдруг остановилась.

Просто стояла и смотрела. Мы с тобой уже побежали к воде, а она стояла. Я оглянулась и увидела её лицо — она плакала. Не от горя, а от чего-то другого. Я тогда не поняла, а сейчас думаю: может, она тоже чувствовала, что что-то проходит. Что вот это — есть, а потом не будет. И это надо бы удержать, но как?

— Марин, — сестра помолчала, — ты не маму вспоминаешь. Ты себя.

Может быть. Наверное. Марина не стала спорить, потому что сестра была права, а когда сестра была права, спорить не хотелось. Хотелось только сидеть и смотреть в окно, за которым дул ветер и качал тонкую берёзу, посаженную кем-то из соседей лет десять назад — когда ещё все верили, что дерево обязательно приживётся. И оно прижилось. Только росло почему-то криво, вбок, будто тянулось к свету, которого ему не хватало.

— Ладно, — сказала сестра, — хватит. Давай так. Я завтра еду на дачу, помидоры собирать. Приезжай. Пушкин обрадуется, ты же знаешь, он тебя любит.

— Он всех любит, у кого есть колбаса.

— Тем более. Приезжай, устроим посиделки. Поговорим нормально, не по телефону. И возьми с собой Серёжу, если хочет. А не хочет — одна.

Марина засмеялась, и смех вышел какой-то мокрый, с привкусом слёз, но не тяжёлый. Лёгкий, как будто что-то маленькое наконец отпустило.

— Хорошо. Приеду.

Она положила трубку. Суп на плите остыл. Часы тикали. За окном берёза качалась, и в этом было что-то спокойное, как в дыхании спящего человека.

Марина стояла посреди кухни и вдруг поняла, что ей не хочется садиться. Не хотелось никуда, не хотелось ничего делать. Хотелось двигаться — не к чему-то, а просто двигаться. Как будто в теле накопилось столько тишины, что она начала звенеть.

Она накинула куртку и вышла из дома. Без плана, без маршрута. Просто вышла — и пошла.

Город в субботу был другим. Будто кто-то снял с него строгий костюм и надел домашнее. Люди шли медленнее, не толкались, не бежали к автобусам с глазами в телефонах. У магазина «Продукты» старик продавал рассаду — тонкие стебли в стаканчиках, нездоровые на вид, но с бумажкой: «Помидоры. Сорт "Бычье сердце". 50 руб.». Марина остановилась, посмотрела на стебли. Они были такие хрупкие, что казалось — дунь, и сломаются.

— Возьмите, — сказал старик. — Приживутся. Они с виду дохлые, а на самом деле крепкие. Это сорт такой — сначала боятся, а потом раз — и пошли расти.

Марина купила два стаканчика. Зачем — не знала. Балкона у неё не было, сада тоже. Но стебли показались ей близкими — теми, кто сначала боится, а потом растёт. Она несла их осторожно, как носят что-то живое, и чувствовала себя немного смешно: женщина с помидорной рассадой в руках идёт по городу в субботу, и нет у неё ни плана, ни цели, а только два хрупких ростка и разговор с сестрой, от которого стало то ли легче, то ли страшнее — она не могла пока понять.

Потом она свернула в сквер. Маленький, с тремя скамейками и памятником кому-то, кого она каждый раз забывала. У фонтана — сухого, неработающего уже третий год — сидела женщина. Не молодая, не старая. Просто женщина, с книжкой на коленях и стаканчиком кофе, который явно остыл давно. Но она не пила. Сидела и смотрела перед собой — не на что-то конкретное, а так, как смотрят, когда внутри идёт своя работа, невидимая, но тяжёлая.

Марина села на соседнюю скамейку. Поставила рассаду рядом. И вдруг почувствовала странную солидарность с этой незнакомой женщиной — будто они обе оказались здесь по одной причине: вышли из дома, потому что внутри стало тесно.

— Хорошие помидоры? — спросила женщина, не поворачивая головы.

— Не знаю, — честно ответила Марина. — Мне сказали, что приживутся.

— Это хорошо. — Женщина наконец повернулась, и Марина увидела её лицо. Обычное, усталое, но с какими-то живыми, быстрыми глазами. — А то я в прошлом году посадила — все помёрзли. Одно утро, и всё. Стояли, а потом лежат.

— Как люди, — вырвалось у Марины, и она тут же смутилась.

— Как люди, — согласилась женщина без удивления, будто ждала именно этих слов. — Именно так. Стоят, стоят, а потом — раз. И лежат. И думаешь: ну как же так? Вчера же стояли.

Они помолчали. Не неловко, а правильно — как молчат люди, которым не нужно заполнять паузу словами ради слов.

— Меня Галя зовут, — сказала женщина.

— Марина.

— Марина, а у тебя есть что-нибудь, что ты давно хотела сделать, но всё откладывала?

Марина подумала. Так сразу не вспомнилось. Потом вспомнилось. Учиться. Не в том смысле — за дипломом, а просто — учиться чему-то новому. Она давно хотела записаться на курсы, или в кружок, или хотя бы начать читать то, что лежит на полке нераскрытое, потому что всё некогда. А когда становилось некогда, она занималась другими делами — важными, нужными, срочными. Но не теми, которые грели.

— Есть, — сказала она. — Есть кое-что.

— Ну вот, — Галя кивнула, будто ей всё было ясно. — Тогда сделай. Не завтра. Не «когда время будет». А сейчас. Сегодня. Потому что время — это не то, что приходит. Это то, что ты берёшь.

Марина посмотрела на неё — внимательно, с тем странным ощущением, которое бывает, когда незнакомый человек говорит тебе то, что ты и так знал, но не слышал, потому что голос внутри был слишком тихий, а чужой — громче.

— А вы? — спросила Марина. — Вы сделали?

Галя улыбнулась. Улыбка получилась кривой, но тёплой.

— Я — нет. Я только говорю. Вот поэтому и сижу тут. Потому что знаю, как надо, а делаю, как привыкла.

И они обе засмеялись — тихо, без веселья, но с каким-то облегчением, как будто усталость на минуту сняли с плеч и поставили рядом на скамейку, чтобы она посидела, отдохнула, пока они вот так смеются.

Марина посмотрела на часы. Два. До собрания — час. Надо было идти домой, переодеться, собираться. Но идти не хотелось. Хотелось ещё посидеть. И она подумала: а что, если не пойти? Что если один раз — всего один раз — не сделать то, что надо, а сделать то, что хочется? Не пойти на собрание, не проверять уроки, не быть «на одной волне». А просто — позвонить сестре и сказать: «Завтра еду к тебе на дачу. И помидоры везу».

Марина встала со скамейки. Галя помахала рукой, не прощаясь, а так — просто махнула, как машут поезду, который проезжает мимо.

Рассада в стаканчиках чуть качнулась от ветра. Стебли были тонкие, почти прозрачные. Но стояли.

Марина шла домой, и внутри у неё что-то сдвинулось — не рвануло, не хрустнуло, а тихо сдвинулось, как фурнитура, которую переставили на сантиметр. Вроде бы то же, а уже не то. И она подумала: вот так, наверное, и начинается. Не с события, не с удара, не с крика. А с того, что в субботу выходишь из дома без плана, покупаешь у старика два стаканчика помидоров, садишься рядом с незнакомой женщиной у сухого фонтана — и вдруг понимаешь: ты этого не планировала. И это, может быть, единственное, что за долгое время кажется правильным.

Дома было тихо. Часы тикали. Берёза за окном качалась. Суп на плите остыл окончательно. Марина достала из шкафа открытку с морем, положила на стол рядом с рассадой. Море, стебли, тикающие часы. Она посмотрела на всё это — и написала сестре: «Завтра еду. Пушкин готовь колбасу».

Ответ пришёл через минуту: «Ура. Пушкин в восторге».

Глава третья. Помидоры и кот Пушкин

Дача у сестры была не из тех, где всё блестит и пахнет свежим деревом. Это был старый дом с покосившейся верандой, скрипучими ступенями и запахом сухих яблок, который держался тут годами, будто въелся в доски. Сюда не приезжали, чтобы красиво отдыхать. Сюда приезжали, чтобы жить — по-простому, без церемоний, с чашкой чая на подоконнике и полотенцем, которое вечно висело не там, где надо.

Марина приехала рано, когда солнце ещё не успело раскалить воздух, и от земли тянуло прохладой. Сестра стояла у теплицы в резиновых сапогах, которые были ей велики, и в панаме, которую она купила на распродаже и носила исключительно ради смеха. Увидев Марину, она не бросилась обниматься — просто кивнула, будто так и было задумано: сестра должна приехать именно в это утро, именно с двумя стаканчиками рассады.

— Ну, что везёшь? — спросила сестра, кивнув на рассаду.

— Помидоры. «Бычье сердце». Продавец сказал, что сначала бояться, а потом растут.

Сестра хмыкнула, взяла стаканчики, посмотрела на тонкие стебли с таким видом, будто оценивала не растения, а новых жильцов.

— Боятся, значит. Ладно, устроим им тут жизнь.

Кот Пушкин, услышав голоса, вышел из-под крыльца. Он был рыжий, пушистый и такой важный, будто лично отвечал за порядок на участке. Подойдя к Марине, он потерся о её ногу, потом сел, поднял хвост трубой и уставился на неё, как на человека, который наконец-то приехал туда, где ему самое место.

— Видела? — сказала сестра. — Он тебя одобряет. А он вообще никого не одобряет, кроме колбасы.

Марина присела, протянула руку, и Пушкин ткнулся в неё носом — коротко, деловито, будто ставил печать: «Принята».

— Ладно, — сказала сестра, — сначала чай. Потом помидоры. У меня самовар ещё с утра греется.

На веранде стоял старый самовар — тяжёлый, блестящий, с потемневшими боками. Сестра поставила на стол чашки с синими цветочками, банку варенья, кусок хлеба, который она сама испекла вчера, и тарелку с помидорами — теми самыми, огромными, как детские кулачки.

— Садись, — сказала она. — Рассказывай. Или не рассказывай. Как хочешь.

И Марина вдруг поняла, что ей не хочется ничего рассказывать. Здесь, на этой веранде, с самоваром и Пушкиным, слова сами становились тише. Они не исчезали, но как будто укладывались в аккуратные стопки: «потом скажу», «не сейчас», «пусть полежит».

Они пили чай, ели хлеб с вареньем, смотрели, как солнце медленно ползёт по столу, передвигая тени. И в какой-то момент сестра сказала:

— Знаешь, я тут думала. Ты говоришь, что всё идёт мимо. А может, оно не мимо. Может, оно просто не туда, куда ты планировала. А туда, куда тебе сейчас надо.

Марина усмехнулась:

— Это ты как психолог говоришь?

— Нет, как человек, который сорок лет живёт на этой даче и знает, что помидоры не растут по плану. Их посадишь, а они: «А мы вот тут хотим». И если будешь их заставлять расти там, где им тесно, они просто завянут.

Марина посмотрела на сестру. Та сидела, откинувшись на спинку стула, и в её глазах была та самая спокойная уверенность, которая всегда немного раздражала и очень сильно спасала.

— А если я сама не знаю, где мне не тесно? — тихо спросила Марина.

— Тогда просто посиди. Посиди и посмотри. Рано или поздно увидишь, где тень падает так, что хочется остаться.

Они замолчали. Пушкин запрыгнул на стол, осторожно обошёл чашки, сел рядом с Мариной и уставился в окно, будто тоже ждал, когда станет понятно, куда расти.

Потом сестра встала:

— Ладно, хватит философии. Помидоры сажать будем.

В теплице было жарко, пахло землёй и зелёными листьями. Сестра показала, где копать, куда сажать, как поливать. Марина делала всё, что ей говорили, и впервые за долгое время не думала о том, правильно ли она делает. Просто копала, просто сажала, просто поливала. Земля была холодной и влажной, она налипала на пальцы, и это было странно приятно — чувствовать что-то настоящее, тяжёлое, живое.

Когда они закончили, сестра села на край грядки, сняла панаму и вытерла лоб рукавом.

— Вот, — сказала она. — Теперь ждём.

— И всё?

— И всё. Теперь ждать. Это самое сложное.

Пушкин пробрался в теплицу, обнюхал новые растения, будто проверял, достойны ли они жить рядом с ним, и сел рядом, глядя на Марину так, словно хотел сказать: «Ну вот, сделала что-то, чего не планировала. И ничего, жива».

Марина засмеялась.

— Ты что? — спросила сестра.

— Да ничего. Просто... я сегодня не пошла на собрание.

Сестра не стала ни ругать, ни хвалить. Просто кивнула:

— Бывает. Иногда важнее посадить помидоры, чем сидеть и слушать, как тебя учат быть хорошей мамой.

Марина вздохнула — не тяжело, а как будто с плеч упало что-то маленькое, но колючее.

— Серёжа ещё не знает, — сказала она.

— Узнает. И что? Ты же не преступление совершила. Ты просто выбрала другое.

Они вышли из теплицы, сели на ступеньки крыльца, смотрели, как солнце уже поднялось высоко и начало припекать. Пушкин улёгся у их ног, закрыл глаза и замурлыкал — тихо, ровно, как будто настраивал мир на правильную частоту.

Марина достала из сумки открытку с морем. Развернула, посмотрела на ярко-синюю воду, на белые домики, на небо, которое казалось таким близким, что хотелось протянуть руку и коснуться.

— Помнишь, я рассказывала про то лето? — спросила она.

— Помню. Про тётю Валю и укроп.

— Так вот... мне кажется, мама тогда плакала не от того, что было плохо. А от того, что было так хорошо, что она боялась это потерять. И я сейчас понимаю это чувство. Когда ты делаешь что-то простое — сажаешь помидоры, пьёшь чай, сидишь на ступеньках — и вдруг понимаешь: вот оно. И хочется удержать. Но как?

Сестра помолчала, потом сказала:

— Никак. Нельзя удержать. Можно только замечать. Сегодня ты заметила помидоры. Завтра заметишь что-то другое. Главное — не переставать смотреть.

Марина улыбнулась. И в этой улыбке не было ни грусти, ни облегчения — просто тихое согласие: да, смотреть. Да, замечать. Да, сажать помидоры, даже если не знаешь, вырастут ли они.

Вечером, когда солнце уже садилось и тени стали длинными, они сидели на веранде и пили травяной чай. Пушкин спал, свернувшись клубком на коленях у Марины. За окном темнел сад, пахло мятой и дымом — где-то неподалёку кто-то жег сухие ветки.

— Знаешь, — сказала Марина, — я, наверное, останусь на ночь. Если можно.

Сестра кивнула, как будто знала, что так будет:

— Конечно. У меня раскладушка есть. И одеяло с запахом яблок.

— С запахом яблок — это хорошо.

— Это дача, — сказала сестра и улыбнулась. — Тут всё с каким-нибудь запахом.

Марина посидела ещё немного, слушая, как в саду стрекочут кузнечики, как скрипит где-то ветка, как дышит дом. И вдруг почувствовала, что внутри у неё стало тише. Не пусто, а именно тише — как бывает, когда после долгого шума наконец-то наступает вечер.

Она легла поздно, когда звёзды уже висели высоко и казались ближе, чем в городе. Раскладушка скрипела, одеяло пахло яблоками, а за окном шелестел сад. И перед тем, как уснуть, Марина подумала: сегодня она сделала то, чего не планировала. Не бросила всё, не перевернула жизнь, не ушла в никуда. Просто выбрала другое — и от этого стало легче дышать.

Глава четвёртая. Как Пушкин всё устроил

Утро на даче пахло мокрой травой и дымом — кто-то в соседнем саду жег старую листву, и ветер приносил этот запах, густой, осенний, хотя до осени было ещё далеко. Марина проснулась от того, что Пушкин сидел у неё на груди и смотрел ей прямо в лицо. Не моргая. Так, будто ждал, когда она наконец-то поймёт что-то важное.

— Ты чего? — хрипло спросила Марина, щурясь от солнца, которое пробивалось сквозь занавеску в косых пыльных лучах.

Пушкин не ответил. Он просто моргнул — медленно, с достоинством — и спрыгнул. А потом, не оглядываясь, пошёл к двери, как будто давал понять: «Вставай. У нас дела».

На веранде сестра уже пила чай и улыбалась.

— Ну вот, — сказала она, — теперь ты официально принята в клуб ранних пташек. Даже раньше меня.

Марина села, натянула свитер, взяла чашку. Чай был горячий, с мёдом и какой-то пряной травой, которую сестра собирала сама.

— Знаешь, — сказала Марина, — я тут думала... про то, что ты вчера говорила. Про то, чтобы замечать. Я ведь столько всего не замечала. Даже когда смотрела прямо на это.

Сестра кивнула, будто не удивилась.

— Это нормально. Когда много дел, глаза привыкают видеть только список. «Купить, забрать, успеть». А остальное — фон.

— А как научиться видеть не фон?

— Не учиться. Просто иногда останавливаться. Хотя бы на минуту. И спрашивать себя: «А что сейчас?» Не «что дальше», а «что сейчас».

Марина хотела что-то ответить, но не успела. Пушкин, который до этого важно ходил по веранде, вдруг резко метнулся к Марининой сумке, стоявшей у стены. Он сунул туда нос, потом лапу, потом вытащил что-то и потащил прочь — не как хулиган, а как человек, который точно знает, что делает.

— Эй! — Марина вскочила. — Пушкин, отдай!

Но кот уже скрылся за дверью, унося в зубах... её телефон.

— Да он что, с ума сошёл? — Марина бросилась за ним.

Сестра рассмеялась:

— Похоже, он решил, что тебе пора отдохнуть от новостей.

Телефон Пушкин утащил не далеко — он оставил его у крыльца, рядом с горшком с геранью, и сел рядом, будто охранял.

— Вот ты хитрец, — сказала Марина и присела рядом с ним. — Ну ладно. Пусть полежит.

И вдруг поняла, что впервые за долгое время ей не хочется тут же схватить телефон и проверить сообщения. Просто не хочется. Хочется посидеть тут, на ступеньках, рядом с котом, который смотрит на неё так, будто знает про неё всё — и всё равно сидит рядом.

— Станный он, — сказала Марина.

— Он не странный, — ответила сестра, выходя следом. — Он просто живёт. Без плана. И если что-то ему не нравится — убирает. Вот телефон убрал. Считаю, это его способ сказать: «Побудь здесь».

Марина улыбнулась. И в этой улыбке было что-то новое — не грустное, не виноватое, а просто спокойное.

Они пошли в огород. Сестра хотела собрать последние ранние огурцы, а Марина — просто идти рядом и смотреть, как солнце ложится на грядки, как дрожат листья от ветра, как где-то далеко лает собака, а рядом шуршит трава.

В теплице было жарко, пахло землёй и зелёными стеблями. Сестра наклонилась, начала срезать огурцы, а Марина стояла и смотрела на свои помидоры — те самые, «Бычье сердце», которые она привезла в стаканчиках. Они уже немного подросли, листья стали темнее, крепче.

— Смотри, — сказала сестра, не поднимая головы, — а ведь прижились. Боялись, а прижились.

Марина кивнула. Ей хотелось что-то сказать, но слова не находились. Вместо этого она просто присела на корточки рядом с кустами, потрогала листья — они были шершавые, прохладные.

Потом она вспомнила про открытку с морем. Достала её из кармана, развернула. Море на ней было всё таким же ярко-синим, неправдоподобным, как в детстве.

— Знаешь, — тихо сказала она, — я хочу поехать туда. Туда, где мы были с мамой и тобой. Хочу снова увидеть то море. Не на открытке, а настоящее.

Сестра выпрямилась, посмотрела на неё.

— Так поехали.

— Но у меня работа, школа, собрание...

— Собрание ты уже пропустила, — мягко напомнила сестра. — А остальное... можно сдвинуть. Или не ехать надолго. На выходные. Просто чтобы постоять у воды и послушать, как волны шумят.

Марина помолчала. В голове привычно зашумел список «а вдруг», «а если», «а кто...». Но где-то внутри, тише этого шума, звучало другое: «Хочу».

— Я боюсь, — вдруг призналась она. — Боюсь, что, если начну что-то менять, всё развалится.

— А если не начнёшь — развалится само, — спокойно сказала сестра. — Просто медленнее. И ты будешь думать, что всё нормально, пока не поймёшь, что ничего не чувствуешь. Ни плохого, ни хорошего. Просто «нормально».

Марина вздохнула. И вдруг вспомнила слова Гали, той женщины у фонтана: «Время — это то, что ты берёшь».

Она посмотрела на сестру, потом на помидоры, потом на Пушкина, который сидел у входа в теплицу и вылизывал лапу, будто ничего особенного не происходило.

— Ладно, — сказала Марина. — Давай я попробую. Не всё сразу. Но начну. С маленького. С поездки. На выходные.

Сестра улыбнулась:

— Вот и правильно. Маленькое — оно тоже настоящее.

Они вышли из теплицы, сели на ступеньки. Пушкин тут же запрыгнул Марине на колени и устроился, как будто, так и было задумано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.